

А.Г.Гольцов

ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: геополитический порядок, геополитический проект, неоимперия, постсоветское пространство

Наиболее могущественные центры современного мира, обладая мощным силовым потенциалом, стремясь к расширению сфер своего влияния и борясь с конкурентами, способны играть роль «полюсов» в мировом геополитическом порядке. В настоящее время происходит постепенное ослабление политических и экономических позиций главного «полюса» — Западной неоимперии — при одновременном усилении незападных центров. Некоторые из них, например Российскую Федерацию и Китай, на наш взгляд, следует рассматривать как формирующиеся неоимперии. Все активнее конкурируя с Западом, они фактически выступают в качестве новых «полюсов» мирового геополитического порядка. Накапливаются противоречия между КНР и США — ведущей державой Запада. Но особую опасность для стабильности мирового геополитического порядка на современном этапе представляет периодически обостряющееся противостояние между Россией и Западом (во главе с США).

Классическим империям, при всем разнообразии их форм, присущи властные отношения между центром и периферией. Довольно метко уподобляя типичную геополитическую структуру империи «колесу без обода», А.Мотыль подчеркивает, что «элита ядра и государство доминируют над периферийными элитами и общностями, выступая в качестве посредников в их значимых взаимодействиях и направляя потоки ресурсов от периферии к ядру и обратно к периферии»¹. Согласно известному определению М.Дойла, империя — «это система взаимодействия между политическими общностями, когда одна из них (доминирующая метрополия) осуществляет политический контроль над внешней и внутренней политикой (фактически суверенитетом) другой политической общности — периферии»². В трактовке Г.Лундестада «империя означает иерархическую систему политических отношений, при которых одна держава является значительно сильнее какой-либо другой»³. При этом зачастую подразумевается (прежде всего применительно к прежним эпохам), что «имперское доминирование... является необходимым результатом отношений между могущественными и слабыми государствами»⁴.

¹ Motyl 2001: 4.

² Doyle 1986: 45.

³ Lundestad 1990: 37.

⁴ Doyle 1986: 28.

⁵ *Wendt, Friedheim*
1995: 695.

Неоимперии же представляют собой «структуры транснациональной политической власти, которые соединяют эгалитарный принцип юридического суверенитета с иерархическим принципом фактического контроля»⁵. Для обеспечения своего доминирования над периферией государство-центр обычно использует неформальный политический контроль, сочетающийся в идеале с экономическим и культурно-информационным. Вместе с тем при создании и развитии неоимперий не утрачивается актуальности и военный фактор.

Полагаем, что Запад (как неформальное объединение государств), Россия и Китай проявляют себя как неоимперии прежде всего с точки зрения геополитики, проводимой ими на мировой арене. Ни одна из неоимперий прямо не артикулирует своего стремления к мировому или хотя бы региональному господству. Однако их геополитика фактически нацелена на расширение (или сохранение) сфер влияния в мировом геопространстве. Не вышли из употребления такие традиционные инструменты имперской геополитики, как военная интервенция, прямое политическое давление, шантаж, экономическая блокада и т.п. Но все же предпочтение отдается непрямым способам воздействия через сети «агентов влияния» в политической, экономической и культурно-информационной сферах. Стремясь обеспечить добровольное принятие другими государствами неоимперских идеалов, ценностей, норм и правил, центр широко использует «мягкую силу». Как правило, именно средствами «мягкой силы» неоимперия пытается распространить свое влияние в других регионах мира, утвердить свою глобальную роль. На наш взгляд, миру и безопасности на планете в наибольшей степени отвечало бы проведение неоимпериями «геополитики взаимодействия»⁶.

⁶ *См. Колосов 1992.*

* * *

Неоимперии как геопространственной политической системе присуща иерархически-сетевая структура. На межгосударственном уровне сетевая структура неоимперии представлена центром и его союзниками, применительно к которым он выступает гегемоном. Имперская иерархия выражена геополитическими отношениями между центром и сателлитами, при которых первый является «патроном», а вторые — его «клиентами». В отличие от империй эпохи модерна, неоимпериям не свойственна жесткая иерархическая организация. В геопространстве неоимперий развиваются сетевые структуры негосударственных акторов: транснациональных корпораций, банков, неправительственных организаций, информационных агентств и т.д. Подобного рода акторы нередко бывают весьма могущественными и обладают широко разветвленными сетями за пределами государств, входящих в состав неоимперий. Другими словами, современные неоимперии формируются в результате тесного взаимодействия мощных государств с крупнейшими сетевыми акторами.

Важно отметить, что в связи с развитием сетевых структур центр как таковой может в значительной мере размываться (особенно с точки зрения географической локализации). Тем не менее именно центр (даже если он деконцентрирован) создает неоимперские политические институты и контролирует их функционирование. Именно он продуцирует идейные и культурные символы, распространяемые на «своей» периферии и во всем мире. В качестве неоимперских институтов могут выступать также международные организации с их координационными органами, нормативно-правовой базой и пространственными структурами.

Подчеркнем, что неоимперии отличаются от классических империй эпохи модерна в том числе геопространственными структурами и особенностями геополитики. В случае доминирования неоимперий на мировой арене соотношение сил и взаимодействие между ними будет определять основные черты геопространственной политической организации мира и влиять на поведение большинства прочих акторов. Именно в этом случае мировой геополитический порядок может стать многополярным.

В литературе продолжается дискуссия по поводу соотношения понятий геополитического и международного порядка. Последний нередко трактуется исследователями как «базовое согласие между группой государств относительно ключевых правил, принципов и институтов»⁷ (то есть международный порядок может формироваться не только в мировом масштабе, но и в пределах того или иного региона). Согласно А. Богатурову, международный порядок определяется «взаимодействием разнородных факторов, наиболее важную роль среди которых играет соотношение совокупных потенциалов отдельных игроков и построенная на нем иерархия, взаимное положение стран, чаще всего условно понимаемое как вертикальное соподчинение»⁸. Весьма полезным для наших дальнейших рассуждений является выделение С. Хоффманном горизонтального, вертикального и функционального измерений международного порядка⁹. Концепт же геополитического порядка, разработанный представителями так называемой геоэкономической школы¹⁰, фокусирует внимание на определенных правилах, институтах и стратегиях, «благодаря которым международная политическая экономия работает в разные исторические периоды»¹¹. Геополитические порядки разных исторических эпох могли включать в себя гегемонию той или иной великой державы, но в целом речь идет о гегемонии «правил и практики», а не об «апостольской преемственности великих держав», доминирующих на мировой арене¹².

Полагаем, что геополитический порядок можно определить как соотношение сил, распределение сфер влияния и характер взаимодействия геополитических акторов в конкретном геопространстве. Геополитический порядок, в сущности, есть отражение геопространственной организации той или иной политической системы. Наибольшее влияние на его становление и развитие, безусловно, оказывают главные

⁷ Ikenberry 2001: 45.

⁸ Богатуров 2003.

⁹ См. Hoffmann 1985.

¹⁰ Туровский 1999.

¹¹ Agnew, Corbridge 1995: 15.

¹² Ibid.: 45.

¹³ Последний уровень в настоящей работе не рассматривается.

акторы, действующие в данном геопространстве и во многом задающие «правила игры» в нем. Геополитический порядок может формироваться на нескольких иерархических уровнях: глобальном (мировом), региональном и внутригосударственном¹³. При изучении геополитических порядков на региональном уровне целесообразно вести речь о макро-, мезо- и субрегионах. При этом необходимо учитывать, что на формирование геополитического порядка в том или ином регионе мира, помимо собственных центров разного уровня и других региональных субъектов, могут влиять и могущественные внешние акторы. В случае четко выраженной «полярности» мировой геополитический порядок может быть моно-, би- или мультиполярным.

Для классификации возможных современных геополитических порядков представляется целесообразным использовать три группы критериев:

- 1) наличие и число главных центров (моноцентрический, бицентрический, полицентрический, децентрализованный порядок);
- 2) характер геополитических отношений между ведущими и прочими акторами (неоимперский, гегемонистский, эгалитарный, слабо организованный, хаотичный);
- 3) особенности взаимодействия между акторами (доминирование, конфронтация, мирное сосуществование, сотрудничество, интеграция).

Итоговый комплексный тип, соответственно, будет включать в себя три группы характеристик. Так, в геопространстве Евросоюза складывается полицентрический неоимперский интеграционный порядок. А на постсоветском пространстве, по нашей оценке, Россия пытается создать под своей эгидой моноцентрический неоимперский интеграционный порядок.

* * *

Геополитическая структура регионов (а также субрегионов) мира зачастую отличается мозаичностью — наличием разномасштабных и разнородных элементов в виде неоимперских образований (центра, союзников, сателлитов) и их владений, «буферов», «островов», «серых зон». По мере расширения сфер влияния (полей) могущественных внешних акторов они вступают в конкуренцию за отдельные участки геопространства. Степень и характер влияния подобных акторов варьируют от места к месту, однако, как уже говорилось, в современную эпоху они, как правило, пытаются обеспечить неформальный политический (а также экономический и культурно-информационный) контроль над странами, формально сохраняющими свой государственный суверенитет.

Как и в прежние времена, на границах могущественных территориальных акторов могут формироваться «буферные» геопространства (страны или целые субрегионы), отделяющие их от других геополитиче-

ских образований. Если подобного рода геополитическая «прокладка» находится под преобладающим влиянием какого-то одного внешнего актора, ее можно определить как подконтрольный «буфер». В случае же относительно равного воздействия нескольких (как правило, двух) внешних акторов «буфер» зачастую является нейтральным. Такой нейтралитет может быть выгоден как самой стране-«буферу», так и упомянутым внешним акторам.

В геопространстве региона (или субрегиона) могут существовать сравнительно самостоятельные геополитические «острова». Правда, в современных условиях изолированность того или иного геопространственного актора (даже такого, как КНДР) от мировых и региональных процессов бывает лишь относительной. Говоря о геополитических «островах», мы, как правило, имеем в виду суверенные государства, которые, принимая участие в международных отношениях, не проводят экспансионистской политики и вместе с тем стараются максимально ограничить внешнее влияние на свою политическую, экономическую и культурно-информационную жизнь (именно «барьеры», созданные для ограничения внешних воздействий, и придают им «островной» характер). Отдельные «острова», обладающие достаточно мощным интегральным потенциалом, способны сравнительно долго сохранять свое «островное» положение. Менее сильные «острова» выживают за счет наличия особо ценных ресурсов либо благодаря успешному проведению политики «равноудаления» от более сильных соседей или балансирования между ними.

В 1990-х годах в противовес проектам имперского возрождения РФ В.Цымбурским была сформулирована концепция «острова Россия», омываемого «территориями-проливами», в совокупности составляющими «Великий лимитроф»¹⁴. И хотя геополитика РФ стала развиваться в неоимперском направлении, не исключено, что в будущем модернизированная концепция такого геополитического «макроострова» вполне может оказаться востребованной.

Для осуществления своих замыслов неоимперские центры и другие мощные акторы разрабатывают и реализуют геополитические проекты. В целом геополитический проект можно определить как стратегический план, рассчитанный на более или менее масштабную трансформацию геопространственной структуры политической системы объекта воздействия. В отдельных случаях внешним актором может даже создаваться новая геопространственная политическая система, например новое государство. Термин «геополитический проект», конечно, официально не употребляется, однако, на наш взгляд, он вполне адекватен современным реалиям. Как правило, геополитический проект неоимперии бывает направлен на трансформацию главных, прежде всего управляющих, подсистем (структурообразующих сфер¹⁵) объекта воздействия, не затрагивая прочих его подсистем и компонентов, что не только позволяет неоимперскому центру сэкономить ресурсы, но и сохраняет видимость «суверенности» объекта. Иными словами,

¹⁴ Цымбурский
2000.

¹⁵ Лурье, Казарян
2012: 95.

неоимперские геополитические проекты призваны обеспечивать неформальное внешнее управление «периферийными» геопространственными политическими системами.

Неоимперии осуществляют геополитические проекты с целью сохранения или дальнейшего расширения сфер влияния, а также для защиты своей безопасности (как они ее понимают). Зоны действия геополитических проектов разных неоимперий (и других мощных акторов), разумеется, могут пересекаться, возникает конкуренция проектов, и в географическом пространстве регионов и стран мира одни из них реализуются, а другие терпят поражение. В результате геополитический порядок в регионе или стране может существенно измениться.

* * *

После окончания холодной войны (и, соответственно, распада СССР) постсоветское пространство попало в сферу геополитического проектирования Запада. Сложившаяся к настоящему времени Западная макроимперия отличается весьма сложной геопространственной структурой. Главным ее центром (гегемоном) выступают США: «...центр империи Запада — Америка, хотя империя к Америке несводима»¹⁶. Другим ее центром является Евросоюз, в свою очередь представляющий собой полицентрическое неоимперское образование. В макроимперию Запада входят также Норвегия, Швейцария, Исландия, микросоциальные государства Европы, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Израиль. Есть у нее и немало внешних союзников и сателлитов. Так, Япония (один из экономических центров современного мира), Южная Корея и Тайвань связаны с США узами военно-политического и военно-технического сотрудничества. К стратегическим союзникам Запада относится и Турция (как член НАТО), хотя у нее есть и собственные геополитические интересы.

Полагаем, что во главе этой макроимперии стоят «центры принятия решений» (ЦПР), как национальные, так транснациональные. Именно они определяют управление западным миром и зависимой от него частью ойкумены. В рассредоточенном центре империи Запада представлено довольно много пересекающихся ЦПР, одни из которых принимают стратегические решения относительно формирования сетей («программисты»¹⁷), а другие влияют на развитие и взаимодействие таковых, обеспечивая общее управление ими («переключатели»¹⁸). Отдельные ЦПР имеют собственные геополитические интересы, между ними могут возникать неантагонистические противоречия, конкуренция, однако отношения сотрудничества преобладают. Для макроимперии Запада характерна высокая концентрация «опорных пунктов» в регионах и странах мира и широкое распространение сетей влияния, причем самых разных: политических, экономических (финансовых, торговых, производственных), информационных, культурных. Западные ЦПР и их представители («агенты влияния») могут действовать как явно (открыто оказывая поддержку определенным политическим

¹⁶ *Kacnэ 2007: 275.*

¹⁷ *Castells 2011: 776.*

¹⁸ *Ibidem.*

силам в других странах или финансируя экономические, культурные и другие проекты), так и закулисно, используя в том числе и нелегитимные способы.

Авторами неоимперских геополитических проектов Запада выступают государственные структуры отдельных стран, прозападные международные институты и неформальные национальные и транснациональные ЦПР. Глобальный неоимперский проект Запада имеет немало привлекательного не только для западных стран и народов: «Империя в своем идеальном образе — упорядоченное пространство закона и справедливости, социальный космос, возникающий в противоположении хаосу, беззаконию и произволу»¹⁹. И хотя идейная и моральная непогрешимость Запада, равно как и его право на установление вселенской справедливости, вызывает обоснованные сомнения, мировое доминирование Западной макроимперии часто воспринимается как гарантия мира и безопасности в глобальном масштабе. При реализации конкретных региональных, субрегиональных и страновых геополитических проектов Запада, как правило, задействуется комплекс разнообразных механизмов — политические рычаги, финансовые ресурсы, «мягкая» (с широким диапазоном хорошо зарекомендовавших себя инструментов) и «жесткая» сила, в том числе и военные средства.

¹⁹ Каспэ 2007: 280.

* * *

На территории бывшего СССР геополитический порядок определяется прежде всего соотношением сил РФ и макроимперии Запада и взаимодействием между этими акторами. Вместе с тем в отдельных субрегионах геополитический порядок существенно зависит также от политики других внешних акторов. Так, на Южном Кавказе немалую роль играют Турция и Иран, в Центральной Азии продолжает усиливаться геополитическое и геоэкономическое влияние Китая.

Возникшие на руинах СССР новые независимые государства оказались в весьма сложной геополитической ситуации. На постсоветском пространстве распались некогда устойчивые политические и экономические связи, вспыхивали межэтнические конфликты, возникали взаимные территориальные претензии между странами. В этих условиях было образовано Содружество независимых государств, представлявшее собой своего рода совместный геополитический (и геоэкономический) проект, призванный обеспечить мирный «развод» бывших советских республик. Кроме того, создание СНГ было продиктовано стремлением номенклатурных элит сохранить свою политическую власть и экономическое доминирование. Общее историческое прошлое, тесная экономическая взаимозависимость, близость общественного менталитета и целый ряд других факторов в принципе могли стимулировать формирование интеграционных структур. Однако возобладали центробежные политические и экономические процессы. Немалую роль в этом сыграло то обстоятельство, что в 1990-х годах наиболее мощный на постсо-

ветском пространстве по своему потенциалу актор — РФ — не проявлял действенной политической воли к тому, чтобы выступить в качестве геополитического центра интеграционного объединения.

В начале 2000-х годов в России сложились политические и экономические предпосылки для перехода к созданию имперской системы. В стране был установлен режим «суверенной демократии» с персонафицированной высшей властью. Подобного рода институциональный порядок С.Патрушев квалифицирует как «кликратию»²⁰. Высказываются и более жесткие оценки. Так, по мнению В.Пастухова, у власти в России оказалась сросшаяся с криминалитетом «клептоклатура», основу благополучия которой «составляет не частная собственность, даже краденная... не возможность привилегированного доступа к каким-то ресурсам... а коллективное владение государством»²¹. Благоприятная конъюнктура на мировых рынках энергоносителей способствовала быстрому обогащению правящей элиты и связанных с нею олигархических кланов. В результате сращивания верхушки «силовиков» (прежде всего представителей ФСБ) с частью олигархической элиты возник единственный главный ЦПР, фактически контролирующий все основные органы государственной власти, а также стратегические отрасли экономики и культурно-информационное пространство России. Поставив под свой контроль ряд крупнейших монополий, государство превратилось в доминирующего геоэкономического актора. Построение жесткой «вертикали власти» и довольно эффективное применение политических, экономических и силовых рычагов позволили покончить с центробежными тенденциями в субъектах Федерации, утвердив доминирование центра. В итоге в России была создана внутренняя неоимперская геополитическая структура (рассмотрение которой выходит за рамки данной статьи).

Не декларируемое официально стремление правящей элиты РФ создать на постсоветском пространстве Евразийскую неоимперию обусловлено целым рядом причин. Во-первых, встав во главе одного из проектируемых «полюсов» мира, российская власть надеется обеспечить свое дальнейшее господство и независимость от Запада. Во-вторых, неоимперская геополитика видится ей наиболее действенным средством нейтрализации реальных (и мнимых) угроз безопасности страны. В-третьих, для процветания «энергетической сверхдержавы», экспортирующей нефть и газ в Европу, нужен контроль над «транзитными» странами. В-четвертых, российские корпорации заинтересованы в экономической экспансии в менее развитые страны бывшего СССР. В-пятых, в условиях острого демографического кризиса власти РФ выгодно контролировать миграционные потоки из соседних стран. Наконец, в-шестых, восстановление великой и могущественной державы служит важным консолидирующим и мобилизующим фактором для российского общества.

Для создания неоимперии у России накоплены мощные экономические ресурсы, полученные за счет экспорта энергоносителей. Факти-

²⁰ Патрушев 2011.

²¹ Пастухов 2011: 157.

чески сформирована многочисленная имперская элита — бюрократы-чиновники, военные, сотрудники федеральных правоохранительных органов и ФСБ (суперэлита). Целенаправленно конструируется и внедряется в общественное сознание своеобразная (хотя и довольно эклектичная) имперская идеология.

²² Указ 2009.

²³ Концепция 2013.

Кремль как верховный ЦПР определяет геостратегию и операционально-тактическую геополитику России. В основу геостратегии РФ на мировой арене положена концепция многополярности²². На официальном уровне также декларируется, что «международные отношения переживают переходный период, существо которого заключается в формировании полицентричной международной системы»²³. Анализ геополитики РФ на постсоветском пространстве на протяжении как минимум последних 15 лет указывает на то, что Кремль пытается создать под своей эгидой неоимперскую геопространственную систему.

В большинстве постсоветских государств, иногда после ожесточенной борьбы между кланами (как, например, в Азербайджане или Таджикистане), утвердился режим доминирования главного политического центра, тесно сросшегося с местной олигархией. «Кликокрапии» в бывших республиках СССР имеют свои особенности; в частности, политическим системам стран Центральной Азии присущи ярко выраженные авторитарные черты. Стремление к интеграции со стороны многих постсоветских государств диктуется их экономической слабостью и военно-политической уязвимостью. Исключение составляют страны Балтии, национальные политические элиты которых после достижения независимости выбрали западную модель развития: в 2004 г., вступив в ЕС и НАТО, эти страны вошли в Западную макроимперию. Следует отметить, что российская власть крайне болезненно относится к наращиванию силового потенциала НАТО и приближению военной инфраструктуры Альянса к границам РФ, расценивая подобные процессы как одну из важнейших угроз безопасности страны²⁴. Подчеркнем, что Кремль придает исключительное геополитическое значение проблеме расширения НАТО на восток.

²⁴ См. Военная доктрина 2014.

При реализации проекта построения Евразийской неоимперской системы официально речь идет о формировании разнообразных геопространственных структур посредством равноправного объединения постсоветских стран на основе добровольной интеграции в политической, экономической, военной, культурной и прочих сферах. При этом предполагается, что в рамках подобных структур РФ возьмет на себя роль центра, а интегрирующиеся с ней постсоветские страны, *de facto* признавая гегемонию России, сохранят свой суверенитет и будут выступать в качестве ее союзников. Об имперском характере конструируемого геополитического порядка свидетельствует также наличие созданных Россией и целиком зависимых от нее сателлитов. Сомнительно, однако, чтобы подобная модель устроила лидеров тех постсоветских стран, где установлены относительно сильные авторитарные режимы, которые

вряд ли согласятся с политическим контролем со стороны внешнего центра, пусть даже неформальным.

Наиболее важной составляющей Евразийской неоимперской системы выступает экономическая интеграция. Геоэкономические проекты Евразийского экономического сообщества, Таможенного союза, Единого экономического пространства можно рассматривать как этапы на пути создания в 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на основе принципов «суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности»²⁵. Интеграция России, Беларуси, Казахстана, Армении и Киргизии в рамках ЕАЭС способна обеспечить этим странам благоприятные условия для реализации их внешнеэкономических интересов. Формирующийся «общий рынок» открывает перед ними широкие возможности для выгодного сбыта своей продукции. Вместе с тем складывается впечатление, что при проведении интеграционной политики в рамках ЕАЭС Россия не просто во многом исходит из интересов связанных с Кремлем корпораций, далеко не всегда совпадающих с выгодами для всей страны, но и руководствуется не столько экономической целесообразностью, сколько задачей построения неоимперского геополитического порядка. Партнеры России по ЕАЭС, естественно, пытаются добиться от нее экономических преференций, получить дешевые кредиты, использовать ее транспортные коммуникации и порты для выхода на внешние рынки. Можно согласиться со скептической оценкой В.Иноземцева: «...союз выглядит банальным „обменом“ экономической помощи на политические уступки, а если говорить прямо, то лишь на видимость таковых»²⁶.

²⁵ *Договор 2014.*
72.

²⁶ *Иноземцев 2014:*
72.

²⁷ *Концепция 2013.*

С геостратегической точки зрения ЕАЭС «призван стать эффективным связующим звеном между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом»²⁷. Однако для реализации трансрегионального проекта геоэкономического «моста» между Западом и Востоком не обойтись без создания соответствующей инфраструктуры, что, в свою очередь, потребует колоссальных вложений, которые смогут окупиться лишь через многие годы. В современных условиях возможности РФ и ее партнеров по ЕАЭС выглядят явно недостаточными, и в обозримой перспективе едва ли можно ожидать резкого увеличения грузопотоков через их территории. Не следует также забывать о китайских геоэкономических проектах в Центральной Азии, осуществление которых приведет к тому, что именно КНР достанутся основные экономические выгоды от сухопутного «моста» между Востоком и Западом.

Военно-политическое измерение неоимперской геополитики Кремля нашло выражение в формировании на постсоветском пространстве под эгидой РФ Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). При создании этой структуры российское руководство, вне сомнения, пыталось использовать богатый военно-политический опыт НАТО. Именно благодаря усилиям России, в рамках ОДКБ идет развитие современных войсковых структур. Принимая участие в совместных программах, учениях и т.п., члены ОДКБ тем не менее

ориентированы на максимальное сохранение своего суверенитета. Необходимо отметить, что для Казахстана, Киргизии и особенно Таджикистана, входящих в Центральноазиатский регион коллективной безопасности, членство в ОДКБ служит определенной защитой от внешних угроз, прежде всего со стороны исламского экстремизма (в первую очередь афганского). Не менее важным стимулом к участию в нем является стремление правящих элит государств-членов обеспечить себе максимально стабильное существование, обезопасив себя от Запада, уже не раз демонстрировавшего свою готовность к акциям, в том числе силовым, по свержению недемократических режимов в странах, где нарушаются права человека. Таким образом, партнеры России ждут от ОДКБ конкретных выгод, перекладывая основное бремя затрат на РФ. Очевидно, что поддержание этого военно-политического каркаса неомперского геополитического порядка на постсоветском пространстве требует от последней гигантских ресурсов.

* * *

Экспансия Запада на восток, в пространство бывшего социалистического лагеря, проходила в целом успешно. После окончательного присоединения к Западу республик Балтии нейтральными «буферными» странами в Восточной Европе остались только Украина и Молдова. На трансформацию геополитического порядка на территории бывшего СССР существенно повлияли «цветные революции» первой половины 2000-х годов в Грузии и на Украине, где к власти пришли прозападные политические элиты и связанные с ними бизнес-группы. Ярким проявлением усиления влияния Запада в этих странах стало наращивание их сотрудничества с НАТО. Кроме того, был реанимирован геоэкономический (и геополитический) проект ГУАМ, преобразованный в Организацию за демократию и экономическое развитие (ГУАМ-ОДЭР). Одновременно президенты Украины и Грузии выступили с более масштабным геополитическим проектом, предполагавшим создание сообщества демократий Балто-Черноморско-Каспийского региона — Содружества демократического выбора. Однако оба упомянутых проекта не получили полноценного развития, не в последнюю очередь усилиями РФ. В 2008 г. решения Бухарестского саммита НАТО зафиксировали определенную стабилизацию геополитического порядка. На фоне заявлений о возможности вступления Украины и Грузии в Альянс в будущем (довольно туманном) саммит отказал им во включении в Планы действий по членству. Российско-грузинский конфликт августа 2008 г. отчетливо продемонстрировал, что Россия вполне способна проводить жесткую экспансионистскую политику с применением военной силы. В результате пятидневной войны РФ упрочила свое влияние на геополитический порядок в Закавказье, закрепившись на важных плацдармах в Абхазии и Южной Осетии.

Осуществляемый Евросоюзом с 2009 г. проект «Восточное партнерство» фактически должен был привести к формированию в Восточной Европе и на Южном Кавказе «буферного пояса» из прозападных стран, которые разделяли бы «европейские ценности», то есть политически и экономически были ориентированы на Запад. Вместе с тем они представляли определенную ценность для ЕС в качестве экономически слабых и потому зависимых партнеров, своего рода внешней периферии. При этом грядущее присоединение к ЕС, привлекательное, в частности, для значительной части украинского общества, отнюдь не гарантировалось. Реализация проекта «Восточное партнерство» продолжается и сейчас — при очень скромных достижениях даже в прозападных Украине, Молдове и Грузии.

В 2010 г., после прихода к власти олигархического клана во главе с В.Януковичем, Украина во многом вернулась к двухвекторной геополитике времен Л.Кучмы. В качестве «буфера» между Западом и Россией эта страна могла стать гарантом геополитического равновесия в Восточной Европе, извлекая немалые выгоды из своего транзитного положения. Однако ввиду возможной ассоциации Украины с ЕС в 2013 г. РФ резко активизировала борьбу за нее как за сферу своего влияния. Сдвиг в феврале 2014 г. Януковича и установление в стране прозападного режима были восприняты Кремлем как угроза безопасности России, побудив его прибегнуть к жесткому геополитическому давлению. Российские военные, негласно введенные на территорию Крыма, фактически контролировали проведение там референдума, по результатам которого полуостров был присоединен к РФ.

В восточной части Украины под патронатом России возникли две самопровозглашенные республики — ЛНР и ДНР. Представляется вполне вероятным, что разработанный Кремлем геополитический проект «Новороссия» предполагал создание на востоке и юге Украины целого ряда аналогичных образований. Но поскольку сепаратистские силы не получили достаточной поддержки со стороны населения, этот проект был снят с повестки дня. И хотя в Причерноморье и на Донбассе остается масса политических, экономических, социальных и иных проблем, решать их планируется в рамках единой Украины.

Применение на украинском направлении «жесткой силы» было рассчитано на максимальное ослабление Украины как суверенного государства. Но подобного рода геополитика, осуществлявшаяся Россией в 2014 — первой половине 2015 г., имела лишь тактический успех, никак не окупавший затрат на ведение «гибридной войны», ущерба от экономических санкций со стороны Запада и «бегства капиталов», а также прочих негативных для РФ последствий. Украинский кризис резко затормозил евразийскую интеграцию; более того, по мнению некоторых экспертов, «мечта о геополитической Евразии умерла на Украине»²⁸. Страны — партнеры России по ЕАЭС не проявили желания примкнуть к ней в ее геополитической конфронтации с Западом²⁹. Зона «заморо-

²⁸ Popescu 2014: 34.

²⁹ Ibid.: 43.

женного конфликта» на Донбассе является очагом нестабильности в Восточной Европе.

Для построения на постсоветском пространстве неоимперского геополитического порядка Россия использует в качестве геополитических плацдармов своих сателлитов. Так, непризнанное ею самой Приднестровье может рассматриваться как плацдарм, приближающий РФ к Балканскому региону, где ее политическое и экономическое влияние продолжает уменьшаться. Полностью зависимые от России Абхазия и Южная Осетия представляют собой ее плацдармы в Закавказье. Но при всем стратегическом значении этих плацдармов, их содержание политически и экономически убыточно для центра.

Крым, безусловно, очень важен для России в стратегическом отношении, поскольку позволяет держать под контролем центральную часть акватории Черного моря. Как было давно замечено, кто владеет Крымом, тот контролирует Черное море. Однако превращение Крымского полуострова в полноценный стратегический плацдарм потребует от России огромных затрат. Не следует также забывать, что Черное море сообщается со Средиземноморским бассейном и всем Мировым океаном через проливы Босфор и Дарданеллы, контролируемые входящей в НАТО Турцией. Поэтому в случае конфликта с Альянсом Черноморский флот РФ окажется фактически запертым.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что напряженные события 2014—2015 гг. наглядно продемонстрировали геополитическую самостоятельность РФ и ее дееспособность как одного из неоимперских акторов на мировой арене. Едва ли на данный момент у кого-то остаются сомнения в готовности России применять «жесткую силу» для обеспечения своих геополитических интересов. В качестве неоимперского центра она продуцирует идеи и символы и с помощью своих сетевых акторов распространяет их на территории других стран и целых регионов мира (хотя и с небольшим успехом). Политика России привела к значительным трансформациям геополитического порядка на постсоветском пространстве, особенно в восточноевропейской его части.

Большинство западных экспертов расценивают современную российскую геополитику как откровенно имперскую, нацеленную на изменение мирового порядка в целом. Так, в частности, У.Мид характеризует Россию как мощное ревизионистское государство, стремящееся «реставрировать Советский Союз, насколько это возможно»³⁰. При этом современный кризис на Украине нередко трактуется как яркое проявление проекта «советской реставрации»³¹. Однако высказывается и иная точка зрения. Например, Дж.Миршаймер полагает, что к критическому обострению ситуации в этой стране привел «тройственный пакет» мер, составляющих основу проводимой Западом политики и включающих в себя «расширение НАТО, экспансию ЕС и продвижение демократии»³².

³⁰ Mead 2014.

³¹ Haass 2014.

³² Mearsheimer 2014.

* * *

³³ *Кстати, сценарий перехода США и ЕС к политике холодной войны в отношении РФ рассматривался российскими исследователями еще в 2008 г., однако в тот момент он оценивался как маловероятный (см. Мельвил, Тимофеев 2008: 73).*

³⁴ *Motyl 2014.*

³⁵ *National Security Strategy 2015.*

Современная геополитика Запада направлена на сдерживание неоимперской геополитики России. На страну оказывается беспрецедентное (во всяком случае, со времен холодной войны) политическое давление, против нее введены довольно жесткие экономические санкции³³. Считая, что «разделенная Украина играет ту же роль в сегодняшней стратегии сдерживания, что и разделенная Германия в прошлом», некоторые эксперты призывают Запад увеличить помощь не только ей, но и странам Балтии, Молдове и даже Беларуси и Казахстану — «цель должна заключаться не в том, чтобы уменьшить силу и влияние России, а в том, чтобы не допустить ее экспансию в нероссийские постсоветские государства»³⁴. Усиливается влияние США на их европейских союзников, особенно в рамках Альянса. В Стратегии национальной безопасности, утвержденной Б.Обамой в феврале 2015 г., прямо говорится о намерении Соединенных Штатов, возглавивших «международные усилия по оказанию поддержки украинскому народу», обеспечивать свое «динамичное присутствие в Центральной и Восточной Европе ради сдерживания дальнейшей российской агрессии»³⁵. Страны Центральной Европы и Балтии демонстрируют явно выраженную заинтересованность в размещении на своей территории структур НАТО и американских военных баз. Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на сохранение разногласий между западными странами, совместное противостояние России сплотило макроимперию Запада. В итоге геополитический порядок в Европе приобрел черты неоимперского биполярного конфронтационного.

В Восточной Европе (за пределами РФ) геополитическая конфронтация между Западом и Россией проявляется весьма отчетливо. Республики Балтии за короткий срок прошли путь от прозападных «буферов» до полноценных периферийных стран в составе Западной макроимперии. Присоединившись к ней, они, наряду с правами и привилегиями, получили и новые обязанности. В европейском геополитическом порядке страны Балтии играют роль «форпоста» Запада на рубежах с РФ. В свою очередь Беларусь, как бы она ни подчеркивала свое стремление к самостоятельной геополитике, в качестве военно-политического и экономического союзника России тесно привязана к ее неоимперской структуре.

По мнению З.Бжезинского, ради урегулирования украинского кризиса Западу стоило бы пойти на геостратегический компромисс, гарантировав России, что «достижение Украиной положения подлинно европейской страны, демократии, члена ЕС не повлечет за собой членства в НАТО»³⁶. Для Евросоюза Украина, судя по всему, будет внешней геоэкономической периферией, что неизбежно сулит ей немало проблем, но в перспективе может принести и определенные дивиденды. В чисто геополитическом отношении Украина, по-видимому,

³⁶ *Brzezinski 2015.*

будет играть роль подконтрольного Западу «буфера» в европейском порядке. Полагаем, что аналогичная роль отведена и Молдове. Вместе с тем нельзя отрицать, что при благоприятном геополитическом сценарии «буферные» страны могут в будущем получить немалые выгоды от обновленного взаимодействия между ЕС и Россией.

Для геополитического порядка на Южном Кавказе характерны конфронтационность и в целом децентрализованность. На порядок в субрегионе кардинально влияют внешние акторы. Главные оси конфронтации: «Россия — Грузия» и «Армения — Азербайджан». Неоимперская система России представлена ее сателлитами Абхазией и Южной Осетией и союзником (по ОДКБ и ЕАЭС) Арменией, у которой имеется свой сателлит — Нагорный Карабах. Грузия в свою очередь из «буфера» может превратиться в западного сателлита. Усиливается влияние Турции, которая, будучи союзником Запада, преследует и свои собственные геополитические и геоэкономические интересы в Грузии и особенно в тюркском Азербайджане. Последний можно квалифицировать как геополитический «остров», который, находясь в жесткой конфронтации с Арменией, балансирует между силовыми центрами и ориентирован на союз с Турцией. Кроме того, в обозримом будущем можно ждать геополитической активизации в субрегионе Ирана как потенциального стратегического союзника России (при преодолении их последствий западных санкций).

На геополитический порядок в Центральной Азии в наибольшей степени воздействует Россия как неоимперский центр. Казахстан и Киргизия входят в евразийские неоимперские структуры — ЕАЭС и ОДКБ (хотя казахское руководство всячески подчеркивает самостоятельность своей геополитики). Таджикистан (член ОДКБ) связан с Россией весьма тесным военно-политическим сотрудничеством и в перспективе может присоединиться к ЕАЭС. Перед лицом очевидной угрозы исламистской экспансии этой стране выгоднее стать сателлитом в составе Евразийской неоимперии. Светские Узбекистан и Туркменистан стремятся играть роль самодостаточных «островов» и проводить автономную геополитику. Однако, принимая во внимание уже упомянутую угрозу наступления в регионе исламистских сил, логично ожидать союза этих стран с Евразийской неоимперией, что, кстати, может встретить поддержку со стороны Запада. Реализация мегапроекта «Экономический пояс Шелкового пути» приведет к усилению в регионе геоэкономических и геополитических позиций Китайской неоимперии. Хотя Россия и Китай выступают как геостратегические союзники, они, естественно, конкурируют между собой за влияние на геополитический порядок в Центральной Азии.

* * *

Таким образом, проведенный нами анализ показывает, что современные трансформации геополитического порядка на постсоветском пространстве следует рассматривать прежде всего с точки зрения

обеспечения безопасности и геэкономических интересов ведущих акторов. На Южном Кавказе можно прогнозировать сохранение конфронтационного геополитического порядка при расширении участия внешних акторов — Запада, Турции, России и Ирана. В Центральной Азии при сохранении ведущей роли Евразийской неоимперии усиливаются позиции Китая. Противоречия между отдельными акторами в регионе далеко не изжиты, однако геэкономические интересы последних и угроза военной экспансии радикального исламизма стимулируют изменение геополитического порядка в направлении сотрудничества.

Нынешний геополитический порядок в Центральной и Восточной Европе можно трактовать как биполярный. Думаем, что такой порядок установился временно и для его изменения имеются объективные предпосылки. Определенные цивилизационные различия между Россией и Западом, разумеется, есть, но они не носят антагонистического характера. Для России крайне невыгодна длительная конфронтация с Западом, для Европейского союза в целом убыточно противостояние с РФ. Между Россией и ЕС вполне возможен компромисс в распределении сфер преимущественного влияния с сохранением «буферов» как зон конструктивного взаимодействия. Оптимальным сценарием для Европы в ближайшей перспективе представляется трансформация конфронтационного порядка в бицентрический порядок мирного взаимодействия.

Библиография

Богатуров А.Д. 2003. Современный международный порядок // *Международные процессы*. Т. 1. № 1.

Военная доктрина Российской Федерации от 26 декабря 2014 г. (<http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf>).

Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (<http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union>).

Иноземцев В.Л. 2014. Евразийский экономический союз: потерянные в пространстве // *Полис*. № 6.

Каспэ С.И. 2007. *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. — М.

Колосов В.А. 1992. *Территориально-политическая организация общества*. Автореферат дисс. на соискание уч. степени доктора географических наук. — М.

Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. (<http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf>).

Лурье С.В., Казарян Л.Г. 2012. Мировая политика и ее прогностические индикаторы // *Полис*. № 2.

Мельвиль А.Ю., Тимофеев И.Н. 2008. Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения // *Полис*. № 4.

Пастухов В.Б. 2011. Предчувствие гражданской войны. От «номенклатуры» к «клептоклатуре»: взлет и падение «внутреннего государства» в современной России // *Полис*. № 6.

Патрушев С.В. 2011. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации // *Полис*. № 6.

Туровский Р.Ф. 1999. *Политическая география*. — М., Смоленск.

Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (<http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>).

Цымбурский В.Л. 2000. *Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика*. — М.

Agnew J., Corbridge S. 1995. *Mastering Space: Hegemony, Territory and International Political Economy*. — L.

Brzezinski Z. 2015. *America's Strategic Dilemma: A Revisionist Russia in a Complex World*. Speech Delivered at the Brzezinski Institute on Geostrategy, CSIS (<http://csis.org/event/americas-strategic-dilemma-revisionist-russia-complex-world>).

Castells M. 2011. A Network Theory of Power // *International Journal of Communication*. Vol. 5.

Doyle M.W. 1986. *Empires*. — Ithaca, L.

Haass R. 2014. The Unraveling. How to Respond to a Disordered World // *Foreign Affairs*. November/December (<https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2014-10-20/unraveling>).

Hoffmann S. 1985. L'ordre international // *Traité de science politique*. T. 1. — P.

Ikenberry G.J. 2001. *After Victory: Institutions, Strategic Restraints, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. — Princeton (NJ).

Lundestad G. 1990. *The American «Empire» and Other Studies of US Foreign Policy in Comparative Perspective*. — N.Y., Oslo

Mead W.R. 2014. The Return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers // *Foreign Affairs*. May/June (<http://www.foreignaffairs.com/articles/141211/walter-russell-mead/the-return-of-geopolitics>).

Mearsheimer J. 2014. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault: The Liberal Delusions That Provoked Putin // *Foreign Affairs*. September/October (<https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault>).

Motyl A. 2001. *Imperial Ends: The Decay, Collapse and Revival of Empires*. — N.Y.

Motyl A. 2014. The Sources of Russian Conduct // *Foreign Affairs*. November (<https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2014-11-16/sources-russian-conduct>).

National Security Strategy. 2015 (http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf).

Popescu N. 2014. Eurasian Union: the Real, the Imaginary and the Likely // *Chaillot Paper*. № 132.

Wendt A., Friedheim D. 1995. Hierarchy under Anarchy: Informal Empire and the East German State // *International Organization*. Vol. 49. № 4.

References

- Agnew J., Corbridge S. 1995. *Mastering Space: Hegemony, Territory and International Political Economy*. — L.
- Bogaturov A.D. 2003. Sovremennyyj mezhdunarodnyj porjadok // *Mezhdunarodnye processy*. T. 1. № 1.
- Brzezinski Z. 2015. *America's Strategic Dilemma: A Revisionist Russia in a Complex World*. Speech Delivered at the Brzezinski Institute on Geostrategy, CSIS (<http://csis.org/event/americas-strategic-dilemma-revisionist-russia-complex-world>).
- Castells M. 2011. A Network Theory of Power // *International Journal of Communication*. Vol. 5.
- Cymbursky V.L. 2000. *Rossija — Zemlja za Velikim Limitrofom: civilizacija i ee geopolitika*. — M.
- Dogovor o Evrazijskom ehkonomicheskom sojuze ot 29 maja 2014 g. (<http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union>).
- Doyle M.W. 1986. *Empires*. — Ithaca, L.
- Haass R. 2014. The Unraveling. How to Respond to a Disordered World // *Foreign Affairs*. November/December (<https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2014-10-20/unraveling>).
- Hoffmann S. 1985. L'ordre international // *Traité de science politique*. T. 1. — P.
- Ikenberry G.J. 2001. *After Victory: Institutions, Strategic Restraints, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. — Princeton (NJ).
- Inozemcev V.L. 2014. Evrazijskij ehkonomicheskij sojuz: poterjannye v prostranstve // *Polis*. № 6.
- Kaspe S.I. 2007. *Centry i ierarkhii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma*. — M.
- Kolosov V.A. 1992. *Territorial'no-politicheskaja organizacija obshhestva*. Avtoferat diss. na soiskanie uch. stepeni doktora geograficheskikh nauk. — M.
- Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii ot 12 fevralja 2013 g. (<http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf>).
- Lundestad G. 1990. *The American «Empire» and Other Studies of US Foreign Polict in Comparative Perspective*. — N.Y., Oslo
- Lurie S.V., Kazaryan L.G. 2012. Mirovaja politika i ee prognosticheskie indikatory // *Polis*. № 2.
- Mead W.R. 2014. The Return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers // *Foreign Affairs*. May/June (<http://www.foreignaffairs.com/articles/141211/walter-russell-mead/the-return-of-geopolitics>).
- Mearsheimer J. 2014. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault: The Liberal Delusions That Provoked Putin // *Foreign Affairs*. September/Oc-

tober (<https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault>).

Melville A.Ju., Timofeev I.N. 2008. Rossiya 2020: al'ternativnye scenariy i obshchestvennye predpochteniya // *Polis*. № 4.

Motyl A. 2001. *Imperial Ends: The Decay, Collapse and Revival of Empires*. — N.Y.

Motyl A. 2014. The Sources of Russian Conduct // *Foreign Affairs*. November (<https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2014-11-16/sources-russian-conduct>).

National Security Strategy. 2015 (http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf).

Pastukhov V.B. 2011. Predchuvstvie grazhdanskoy vojny. Ot «nomenklatury» k «kleptoklature»: vzlet i padenie «vnutrennego gosudarstva» v sovremennoy Rossii // *Polis*. № 6.

Patrushev S.V. 2011. Klikokraticeskij porjadok kak institucional'naya lovushka rossijskoy modernizacii // *Polis*. № 6.

Popescu N. 2014. Eurasian Union: the Real, the Imaginary and the Likely // *Chaillot Paper*. № 132.

Turovsky R.F. 1999. *Politicheskaya geografija*. — M., Smolensk.

Ukaz Prezidenta Rossijskoy Federacii ot 12 maja 2009 g. № 537 «Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoy Federacii do 2020 goda» (<http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>).

Voennaya doktrina Rossijskoy Federacii ot 26 dekabrja 2014 g. (<http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf>).

Wendt A., Friedheim D. 1995. Hierarchy under Anarchy: Informal Empire and the East German State // *International Organization*. Vol. 49. № 4.